

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

СВОРА

РАССКАЗ

В один из долгих июльских вечеров волчья стая томилась на лесистом утесе в ожидании сигнала разведчика. Над ней клубилась туча безжалостной, надоедливо-звонящей мошкары. Чтобы согнать наседавших кровососов, серые трясли головами и совали морды кто в траву, кто в еловый лапник.

Наконец от подножья Южного хребта донесся вой, густой и немного расхлябанный. Он не срывался на последней ноте, а завершался плавно гаснущим звуком, возвещавшим — “чую добычу”. Спустя некоторое время призывный вой вновь поплыл над тайгой, наводя на все живое безотчетную тоску.

Отвечая вразброд, потянулись ввысь голоса встретившихся хищников: “Слышим, жди!”

“Видящие” носом не хуже, чем глазами, волки затрусили цепочкой, то опуская, то вскидывая морды, стремясь не пропустить ни единого запаха. Мягко перепрыгивая через поваленные стволы и рытвины, бесшумно скользя сквозь непролазные заросли, звери готовы были в любой миг замереть или молнией ринуться на жертву.

Стая приближалась к подножью хребта. Вел ее матерый волчище — Дед. Он даже издали заметно выделялся среди прочих более мощным загривком, широкой грудью с проседью по бокам.

ЗИГАНШИН Камилль Фарухшинович родился в 1950 году в Башкирии, в семье офицера. Работал в геологических партиях, матросом на китобойце “Вольный”, четыре сезона — штатный охотник на соболя в отрогах Сихотэ-Алиня. Окончил факультет радиоэлектроники Горьковского политехнического института. С 1991 года — учредитель, генеральный директор предприятия связи “ШОК”. Член попечительского совета Аксаковского фонда. Заслуженный работник культуры РБ. Лауреат литературных премий им. Степана Злобина и “Имперская культура” имени Э. Володина. Автор восьми книг. Член Союза писателей РБ. Живёт в Уфе

Звери, поначалу семенившие не спеша, учуяв вожделенный запах добычи, перешли в намет. Густой лес не замедлял их бег. Подсобляя хвостом-правилом, они ловко маневрировали среди стволов и переплетений веток.

Горбоносый лось, дремавший в нише скалистого обрыва, заслышав вой, вскочил, беспокойно затоптался на месте. Увидев множество хорошо заметных в темноте приближающихся огоньков, он уразумел, что схватки в этот раз не избежать. Прижавшись задом к отвесной стене и опустив голову, вооруженную мощными рогами, бык приготовился к битве.

Опытные волки взяли сохатого в полукольцо. Дальше все должно было развиваться по хорошо отработанному сценарию: вожак, отвлекая жертву, всем своим видом демонстрирует готовность впениться ему в глотку, а остальные в это время нападают с боков и режут сухожилия задних ног. Но, разгоряченный бегом и предвкушением горячей крови, Деда совершил ошибку: прыгнул на быка с ходу, угодив под сокрушительный встречный удар — острое копыто проломило грудь. Зато подскокившие с боков волки сработали четко: лось осел на землю. Воспользовавшись промашкой вожака, его давний соперник Смелычак первым сомкнул мощные челюсти на горле быка и, дождавшись, когда тот, захлебываясь хлынувшей кровью, перестанет бить ногами, взобрался на поверженного гиганта. Мельком глянув на раненого Деда, Смелычак понял, что тот не жилец, и победно вскинул голову: наконец пробил и его час! “Отныне я вожак!” — говорили его поза и грозный оскал.

Смелычак, выделяясь смелостью и силой, несомненно, являлся достойным преемником. Он был настолько ловок, что умудрялся прямо на ходу отрывать куски мяса от бегущей жертвы. А главное, обладал сверхъестественной способностью подчинять собратьев своей воле.

Воцарившись, он стал действовать по правилу — “как хочу, так и ворочу”, поправ справедливые порядки, устоявшиеся в стае за годы предводительства Деда. Волки безоговорочно подчинились Смелычаку. Это доставляло новому вожаку особое, ранее не веданное, удовольствие.

Уступчивость стаи подпитывалась тем, что в первые годы правления Смелычака сложились очень благоприятные условия для сытной жизни. Оленей во Впадине расплодилось так много, что хищники безо всяких усилий резали их каждый день. Обильная и легкая добыча быстро упрочила владычество Смелычака и нескольких приближенных угодников: вокруг него сплотилась стая в стае.

Власть и превосходство над всеми скоро растлили деспота. Рыскали и охотились рядовые волки, а Смелычак со свитой приближенных выходил из-за деревьев только тогда, когда жертва уже дымилась кровью. Поначалу они отнимали ее силой, но мало-помалу сами добытчики свыклись с этим и, завершив набег, послушно отходили в сторону, в ожидании своей очереди. Изредка, когда охота ожидалась легкой, шайка Смелычака, чтобы размяться, тоже участвовала в налетах.

Питались звери так хорошо, что их шерсть приобрела особый блеск, от чего при свете луны казалась серебристо-белой. Ум и хитрость Смелычака давали возможность успешно завершать все набеги, отличающиеся бессмысленной жестокостью. Стая почувствовала себя хозяевами всей Впадины и бесцеремонно промышляла даже возле староверческого скита: заправленные олени, ища защиту, всё ближе жались к поселению.

Скитники стали то и дело натекать в лесу на зарезанных, но не тронутых телят. Как-то даже обнаружили растерзанного волками медвежонка. Рядом, уткнув морду в живот, сидела оглушенная потерей медведица. Безвольно опустив передние лапы, она раскачивалась из стороны в сторону, как человек. Тяжко вздыхала, горестно поскуливала. Староверы, хоть и проклинали серых, в то же время полагали, что “на все воля Божья”.

Однажды олений табунок в надежде, что волки не посмеют подойти к скиту вплотную, расположился на ночь прямо под бревенчатым частоколом. Не успели они задремать, как встревоженно захоркал вожак. Напуганные животные вскочили, притиснулись друг к другу. Один из них ни с того ни с сего начал вдруг с силой, словно от кого-то отбиваясь, лягать воздух. Но сколько олени ни всматривались в безмолвный мрак, так и не смогли раз-

глядеть ничего подозрительного. Тем временем олень, взвившись на дыбы, упал и начал кататься по траве. Воздух наполнился запахом крови.

А серые тени, уже не таясь, выныривали из мрака со всех сторон, и вскоре табунок превратился в мятущийся хаос: обезумевшие животные вскидывались, падали, хрипели, захлебываясь кровью. Вся эта резня продолжалась недолго. Когда разбуженные лаем собак скитники поняли, что стряслось, и пальнули для острастки в черное небо, все уже закончилось.

Утром при виде множества туш, лежащих на примятой, бурой от крови траве, потрясенные староверы окаменели. Казалось, что даже белоголовые горы и те с неммым укором взирали на столь бессмысленное зверство.

— Сие — проделки дьявола в волчьем обличии! Пора дать ему укорот! — воскликнул староста скита.

Еще до этого события, изучая по следам жизнь стаи, первостатейный скитской охотник Колода уяснил, что ею верховодит умный и кровожадный зверь. Он был уверен, что если удастся выследить и уничтожить вожака, то разбой прекратится. Распутывая паутину следов, охотник не единожды выходил на место отдыха волков, но вожак, умная бестия, всегда уводил стаю раньше, чем можно было сделать верный выстрел.

Сам же Смелчак скрытно наблюдал за охотником довольно часто. Колода чувствовал это, и несколько раз их взоры даже скрещивались, но за то мгновение, пока он вскидывал ружье, зверь успевал исчезнуть — словно таял в воздухе. Просто дьявольщина какая-то!

Изверства стаи давно возмущали охотника, и он, не колеблясь, первым присоединился к святому делу восстановления справедливости и покоя в окрестностях их скита, полагая, что всем миром удастся быстро избавиться от шайки серых разбойников.

Зная район обитания стаи и часто посещаемые ею места, скитники устроили с вечера засады на всех возможных проходах. Колоде с братом достался пост возле ключа, отделявшего кедрач от осинника.

Натервшись хвоей, они сидели в кустах, не смыкая глаз и держа ружья наготове. При свете луны слушали ночные шорохи, редкие крики птиц. Вот привидением проплыл над головами филин. Вышли на прогалину олени. Сопя и пыхтя, карабкался по косогору упитанный барсук. Забавлялись в осиннике зайцы. И только волков не было видно, хотя стая все это время бродила неподалеку, искусно минуя засады.

Среди ночи у Колоды однажды возникло ощущение чьего-то пристального взгляда, но он так и не заметил Смелчака, вышедшего почти прямо на него. Волк некоторое время понаблюдал из-за куста за давним соперником и, развернувшись, увел стаю в недоступную глухомань.

Последующие засады также не дали результата. Попробовали насторожить самострелы. Одного из волков стрела пробила насквозь. Живучий зверь с четверть версты бежал, временами ложась на траву и пытаясь зубами вытащить стрелу, но рана была смертельной, и он вскоре околел. Скитники нашли его по голосу ворона-вещуна, каркающего в таких случаях по-особому. Шкуру снимать не стали — от волка исходила невыносимая вонь.

— Питаются хорошим мясом, а пахнут дурно, — удивлялись скитники.

— Они ж слуги дьявола, — пояснил кто-то из стариков.

После этого случая стая словно испарилась. Ставшие уже забывать о ее существовании люди через несколько месяцев вновь были потрясены жестоким набегом на оленей. Но и в этот раз волки бесследно затерялись в путаной сети отрогов и распадков. Повторные облавы, луки на тропах и на привадах теперь вообще не давали результата. Видимо, предыдущие уроки не пропали даром. Поднаторевший Смелчак запросто разгадывал хитроумные замыслы охотников и всегда обходил ловушки.

Смекалка вожака проявлялась порой самым неожиданным образом. Он, например, догадался, как избавиться от постоянно мучивших волков блох. Как-то раз, переплывая речку, Смелчак заметил, что сотни паразитов, спасаясь от воды, собрались у него на носу. Выйдя на берег, волк взял в зубы кусок коры и стал медленно погружаться с ним в воду. Дождавшись, когда все блохи переберутся на кору, Смелчак разжал зубы...

А однажды зимой серые, обежав в поисках оленей все распадки и отроги, обнаружили наконец-то небольшое стадо, но никак не могли подкрасться к нему для успешной атаки: бдительные животные не позволяли приближаться, догнать же их по глубокому снегу узколапые хищники не могли. Вот если бы весной, да по насту!

Инстинкт подсказывал Смелычаку, что стаю выдает резкий волчий запах. И тогда перед набегом звери, следуя примеру вожака, долго терлись о снег, политый мочой оленей, и их свежий помёт. Эта немудреная процедура позволила подойти к табуну настолько близко, что удалось зарезать разом важенку и престарелого рогача. Стая попировала и залегла на долгожданный отдых. Случайно наткнувшись на место трапезы охотники вспугнули зверей. Обьевшия волки убежали поначалу грузно, не торопясь, но, когда меткий выстрел уложил одного из них, они махом оторвались от преследователей. Одна из пущенных вдогонку пуль настигла крайнего волка. Раненый зверь зашатался. Промокшая от крови и снега шерсть слиплась клочьями. Изнемогая, он повернулся к бегущим на снегоступах стрелкам и, злобно оскалившись, пошёл навстречу смерти... Остальные члены стаи укрылись в окрестностях пещер, куда староверы никогда не заходили: считали, что там обитает нечисть.

Колода, хорошо изучивший повадки Смелычака, давно уверовал, что вожак стаи — порождение дьявола.

Но и Смелычак тоже хорошо знал своих гонителей, а особенно Колоду, чуя в нем сильного противника, тушуясь порой от его уверенного и пронзительного взора. Волк привык видеть в глубине зрачков любого встретившегося ему существа панический страх. В глазах же этого человека горел особый, неустрашимый огонь. Он бесил Смелычака, но вместе с тем и непостижимо притягивал, порождая желание вновь схлестнуться, помериться силой взгляда.

Осмотрительно избегая прямой стычки с Колодой, Смелычак, дабы доказать свое превосходство, задумал прикончить его верного товарища — ручную рысь по кличке Лютый. Да и сама стая давно точила клыки на слишком независимого и оборотистого кота. Но ушлый котяра спал только на деревьях, а уж чуткости у него было несравненно больше, чем у волков. Однако удобный случай своре всё же представился.

По изменениям в следах Лютого волки поняли, что кот повредил лапу. И действительно, когда они встретили рысь на склоне отрога, она прихрамывала. Не воспользоваться этим было глупо, и вожак с ближайшими сподручниками пустились в погоню. Спасаясь от преследователей, рысь помчалась к внушительному скалистому останцу, заметно припадая на переднюю лапу. Бежала она с трудом, а споткнувшись, даже неловко растянулась на камнях. Свора, окрыленная доступностью жертвы, прибавила ходу и уже предвкушала скорую расправу, но почти настигнутый Лютый успел заскочить на узкую горную тропу и скрыться за скалистым ребром, где в засаде терпеливо караулил Колода с дубиной. Он пропустил рысь, а затем по очереди молча пошибал в пропасть всех волков, выбегавших из-за поворота.

Благодаря понятливости и бесстрашию Лютого хитроумный замысел охотника удался на славу. Кот, гордый убедительным исполнением роли калеки, подошел к другу. На дне пропасти грудой лежали разбившиеся о камни разбойники. Но самым невероятным во всей этой истории было то, что Смелычак, повинувшись своему особому чутью, остался внизу. Увидев сияющего Колоду, спускавшегося с вполне здоровым Лютым, он понял, что предчувствие его и на этот раз не обмануло. Проводив недругов ненавидящим взглядом, волк осторожно поднялся по тропе и обнаружил, что все его сподручники погибли.

Утрата верной шайки явилась для Смелычака потрясением. Лишь на следующую день он вернулся в стаю, отдохавшую в глухом распадке. Волки дремали, блаженно развалившись в тени деревьев. Увидев Смелычака, они по привычке встали, но смотрели на него напряженно, иные даже враждебно. Воспользовавшись его отсутствием, главенство в стае захватил Широколобий. Видя, что вожак один, без свиты, он совсем осмелел и открыто демонстрировал свое непочтение.

“Ну что, померяемся силой? Давай! Я готов!” — говорил он всем своим видом.

Смельчак понимал, что должен во что бы то ни стало осадить самозванца, но праздный образ жизни последних лет не прошел даром: он утратил былую силу и ловкость. Однако, даже понимая, что уступит Широколобому, Смельчак не мог добровольно сдать власть.

Склонив голову набок, Широколобий настороженно следил за каждым движением вожака. Чуть приоткрытая пасть придавала его морде выражение уверенности в победе. Выведенный из себя, взбешенный Смельчак подскочил к самозванцу. Соперники, очерившись, встали друг против друга, выражая решимость отстоять право быть вожаком. Стая внимательно наблюдала.

Уже были показаны белые, как снег, клыки, поднята дыбом на загривке шерсть, гармошкой сморщен нос, неоднократно прозвучало устрашающее рычание, но звери с места не сходили. Наконец Широколобий, отступая назад, принудил Смельчака сделать бросок. Смельчак кинулся, а Широколобий, отпрыгнув в сторону, боковым ударом лапы сбил противника и, нависнув над ним, остервенело вцепился в загривок.

Смельчак вырвался, но сильно ударился головой о сук дерева и, метнувшись в чашу, помчался прочь. Еще никогда он не чувствовал себя таким опозоренным...

Давно заглохли последние верховые запахи стаи, а Смельчак все бежал и бежал, кипя от бессильной злобы. Наконец он добрался до местности, где зияли темные глазницы пещер. Эта окраина Впадины была богата зверьем, а следы пребывания людей отсутствовали.

Постепенно Смельчак свыкся с участью изгоя и стал жить бирюком. Иногда, правда, наваливалась невыносимая тоска, но, не желая выдавать себя, он воздерживался от исполнения заунывной песни о своей горькой доле. В такие минуты он лишь тихо и жалобно скулил, уткнув морду в мох.

Как-то стоя Широколобого, перемещаясь по Впадине за стадом оленей, случайно столкнулась со Смельчаком. Волки с показным безразличием прошли мимо низвергнутого вожака. Даже бывшая подруга отвернула морду. От унижения Смельчак заскрежетал зубами, да так, что на одном из них скололась эмаль. Ему, всю жизнь одержимому стремлением к верховенству, видеть такое пренебрежение было невыносимой мукой, но приходилось терпеть. Невольно вспомнилась волчица Деда: та не отходила от смертельно раненного избранника ни на шаг, а когда тот околел, еще долго тихо лежала рядом, положив передние лапы на остывающее тело.

Утратив за время царствования охотничью сноровку, Смельчак вынужден был довольствоваться мелкой и, как правило, случайной поживой. Зато, хорошо разбираясь в оттенках голоса ворона-вещуна, он легко определял, что тот нашел падаль, и, по подсказке, не гнушался чужой добычей.

Однажды, переев протухшего мяса, Смельчак чуть не околел. А после поправки уже не мог даже приближаться к падали. Не способный быстро бегать, он приноровился размеренно и упорно, с присутствующим волкам упорством преследовать добычу часами, а порой и сутками. Безостановочно шел и шел, не давая намеченной жертве возможности передохнуть, подкрепиться. Преследуемое животное поначалу уходило резво, металось с перепугу, напрасно тратило силы, но постепенно шаг его тяжелел, клонилась к земле голова. Расстояние между хищником и добычей неуклонно сокращалось. Страх приближающейся смерти парализовывал жертву, лишал последних сил. А Смельчака же близость добычи, наоборот, будоражила, придавала силы. Наконец наступал момент, когда до предела измотанная, загнанная жертва, чуя неминуемость гибели, смирялась с участью и покорно останавливалась, уже равнодушная ко всему. И, когда Смельчак подходил к ней, даже не пыталась сопротивляться...

Волк потихоньку восстанавливал былую форму и к следующей зиме нехватку в пище не испытывал: мало кому удавалось уйти от его клыков.

В один из знойных полудней дремавший на лесине Смельчак проснулся от хруста гальки и плеска воды: кто-то переходил речку. Похватав пролетные

запахи, волк уловил чарующий аромат стельной лосихи*. Точно она! Брюхатая осторожно брела по перекаату прямо на него. Волк слотнул слюну. От предвкушения возможности поестъ свеженины в голову ударила кровь.

Когда лосиха остановилась под обрывом, чтобы дать стечь воде, Смелъчак выверенным прыжком оседлал ее и вонзил клыки в шею. Очумевшая от внезапности вероломного нападения лосиха, оберегая бесценное содержимое живота, опрокинулась на спину и с ожесточением принялась кататься по хищнику. Тот, разжав челюсти, чуть живой отполз к воде, а потрясенная лосиха кинулась в лесную чащу...

Выполняя просьбу деда-травозна́я, Колода, после Тихонова дня, когда солнышко дольше всего по небу катится и от долгого света Господня все травы животворным соком наливаются и вплоть до Иванова дня высшую меру целебности имеют, шел по высокому берегу, собирая лапчатку серебристую, необходимую для приготовления лечебного сбора прихворнувшей матушки.

Неожиданно Колода ощутил на себе до боли знакомый взгляд: по голове и спине аж озноб пробежал. Неужто Смелъчак?! Он резко обернулся и внизу у воды увидел невзрачного, вислокоченного волка, но глаза, вернее, один полуоткрытый глаз, сразу выдал его. Точно, Смелъчак!

— Вот это встреча! Так ты, старый вурдалак, оказывается, жив? — воскликнул охотник.

Зверь вздрогнул, прижал к загривку уши и втиснул голову в песок. В его взгляде сквозили испуг, чувство полной беспомощности: не было сил даже оскалить когда-то страшные клыки. Глаза заслезились — то ли от жалости к самому себе, то ли оттого, что было трудно смириться с бесславной участью.

А охотник смотрел на старого, сильно поседевшего зверя сочувственно, с грустью. Смелъчак отвел глаза, тяжело вздохнул. Они поняли друг друга. В какой-то момент во взгляде Колоды вместе с жалостью невольно мелькнула мстительная удовлетворенность. Смелъчак, словно почуввав перемену в настрое человека, едва слышно заскулил.

— Нечего плакаться, получил ты, браток, по заслугам.

Охотник спрыгнул с обрыва на прибрежную косу и направился к Смелъчаку. Тот в ужасе съёжился, дернул грязным, как дворовая метелка, хвостом и как будто всхлипнул. Шумно вздохнул и замер.

— Не робей, лежачих не бью, — охотник склонился над зверем и наткнулся на угасающий взгляд. Волк был мертв...

Набрав травы, Колода вернулся в хижину и рассказал деду о неожиданной встрече.

— Все как у людей, — задумчиво проговорил старик. — Кто затевает раскол, тот сам от него же и гибнет.

* Период рождения телят у лосей растянут. Отёл порой случается в июне и даже в июле.